

Лагерный жаргон на языке Расина | Le jargon des camps dans la langue de Racine

Автор: Жорж Нива (© пер. Надежды Сикорской), [Лозанна](#) , 03.05.2013.

Эдуард Кочергин

Незадолго до приезда Эдуарда Кочергина на женевский [Книжный салон](#) его книга «Крещенные крестами» вышла во французском переводе в лозаннском издательстве Noir sur Blanc.

|

Peu de temps avant l'arrivée d'Edouard Kotcheguine au Salon du Livre de Genève, son livre est sorti dans la maison d'édition lausannoise « Noir sur Blanc » sous le titre « Le baptême des barreaux ».

Le jargon des camps dans la langue de Racine

Эдуард Кочергин – известный сценограф, работавший с Товстоноговым в период расцвета ленинградского Большого драматического театра: спектакль 1975 года «История лошади» по повести Л.Н. Толстого «Холстомер» остается незабываемым шедевром. Потом, в один прекрасный день, он взялся за перо, чтобы не рисовать, а

писать. Вернее, друзья заставили его доверить бумаге страшные и смешные рассказы о детстве, проведенном в сиротских приютах для «врагов народа».

Врагом народа он стал, не достигнув четырехлетнего возраста. Отец – кибернетик из Северного Поморья, был арестован и расстрелян. Мать-полька – десять лет лагерей. Ничего особенного для страны вновь прославляемого многими сегодня Великого Вождя, организатора ужасающей человеческой «мясорубки», гигантской перемолки людей, попавших в водоворот Террора, войны, переселения огромных человеческих стад. Эдуард, такой маленький, такой хрупкий, что может исчезнуть, как тень, или проникнуть в собачью будку старинного роскошного вагона, научился пролезать «под каждым купе, между прутьями слухового окна, выживать в тюрьмах-приютах, в полицейских участках, непроходимых лесах, между осями и на крышах медленных составов, бороздивших по огромной стране». Он был окрещен двумя тетками, поморскими староверками, и еще раз – тюрьмой, в баптистерии большой тюрьмы народов. Ребенок спасся из ленинградской блокады на борту деревянного самолета, перевозящего секретные планы будущего нового самолета – пилот взял с собой нескольких сирот. Сбитый немецким Мессершмитом, самолет садится на Ладожском озере.

Это лишь начало бурлескной, поразительной одиссеи, напоминающей кинобасни Эмира Кустурицы. Галерея монстров-каторжников великолепна, но есть там и сострадающие души, которые дают хлеба, учат разводить в лесу невидимый огонь, рисовать колоду карт, смастерить из проволоки фигурку Сталина, которую можно будет продавать. Эти художественные навыки Эдуарда его спасают: каждое лето он сбегает из детдома, садится в один из поездов, идущих на Запад, в надежде вернуться к матери. Каждую зиму он вновь оказывается в приюте-тюрьме. Но везде его выручают его фигурки из проволоки и нарисованные им карты, дающие ему покровительство пахана или вознаграждение от восторженной публики.

Одиссея в клоаках человечества и в несчастьях поставленного на колени народа. Есть незабываемые сцены: женщины, ищущие своих вернувшихся с войны мужей, тех, что вернулись безногими, и жены должны брать их подмышку, как куль (радуются: «по крайней мере, не будет гулять. На ноги наплевать, главное – рукоятка!»), тех, кто были ослеплены бандами извергов, чтобы легче было побираться. Картины под стать Иерониму Босху, Босху, который не в Эрмитаже и не в Прадо, но в Аргаяше, Бижеляке, Кичтыме или в Верхнем Уфалее.

Есть там русский китаец, «дядя Сао», он учит мальчика рисовать с помощью трафарета, есть и представитель народности хантов – он учит его делать огонь в форме пирамиды, который поворачивается к солнцу и горит без дыма пять-шесть часов. Есть собака Мамай, привязавшаяся к мальчику и спасавшая его от обидчиков. Томас, покрытый японцами татуировкой с головы до ног и учащий его татуировке с помощью восьми иголок. И это не раз будет спасать Эдуарда, благо паханы обожали татуироваться и выставлять себя на всеобщее обозрение, «как в кино». Есть там и трогательная дружба со слепым Митяем, вместе с которым он в очередной раз сбегает из приюта и смакует обед, предложенный им добрым военным – с вилками, будьте любезны!, и который умрет в больнице имени Молотова в Перми.

Книга Кочергина – не только что-то вроде устного повествования, но и удивительный этнографический экскурс. Производство пива в поселке Верхопутье – в лесу, по старинному языческому обряду, – это этнографическая поэма, в которой обрядом

руководит старец с длинной белой бородой, в русской рубаше, «античный священник, возникнувший из ночи времени».

Кочергин вовсе не философствует. Поддерживаемый им наивный тон соответствует не только взгляду и сметливости мальчика, но и определенной вере в жизнь, которая его и спасла. Картины России, пересекаемой с севера на юг и от Сибири до Урала и до Балтики, постепенно раскрывают свои тайны: у человечества есть свои правила, разделение на классы происходит везде – в глубине каторги и в маленькой изолированной деревушке, выжившей за полями истории. У него есть свои легенды, свой бог, усатый вождь, портреты которого – повсюду, а одна из начальниц приюта заделалась их «производительницей». Она заставляет нашего мальчика позировать, с букетом в руках, и он оказывается рядом с улыбающимся Хозяином, в кругу счастливой детворы этого эльдорадо.

Полная бесчеловечность? Нет, в итоге НКВД отправит маленького сироту к матери, вернувшейся в Ленинград после десяти лет лагерей. Открытие столицы Петра Великого мальчиком, освоившим все ремесла от взломщика до татуировщика и овладевшим всеми жаргонами, но сохранившим непобедимую чистоту, – это важный момент. Русские формалисты называли это «остранением». Здесь процесс менее литературный, чем диктуемый жизнью: Дворцовая площадь называется еще площадью Урицкого (по имени большевика, умершего в 1922 году). Ребенок открывает здесь «столб с севшим на него ангелом» (Александровский столб), дворец с караульными, «морозящими себе ... на крыше» (Зимний дворец со статуями на карнизах), «упряжку черных лошадей с двумя ямщиками по бокам», служащую «kozyрьком» огромной арке (квадрига генштаба). Мать и сын с трудом находят общий язык, но оба они закалены навеки: «Сынок, – говорит мать, – не рассказывай никому, что с нами было. В этой стране людей зарубают легче, чем бутылки». Сыну потребовалось шестьдесят лет, чтобы заговорить об этом...

Наивный, образный стиль, приправленный жаргоном детдома, лагерей и воров составляет и очарование и сложность этой книги. Как ни странно, переводчица еще и добавила от себя, создав странный лингвистический паштет, который порой мешает. И лишает книгу детской пленки, обволакивающей оригинал, несмотря на возраст рассказчика этой смешной истории, от которой можно потерять сон. « Faut causer, bigorne ! », вот смешанный язык, оставляющий читателя в недоумении... Всегда крайне сложно, если не невозможно, переводить просторечный язык на французский, находящийся под слишком большим влиянием Расина и Флобера. Когда юный Эдуард завершает свой первый день на свободе лучшим в его жизни обедом у дяди Янека, когда валится на диван и погружается в тяжелый кошмар, в котором приходят в движение кони с генштаба, затворы ударяют друг о друга, угрожающий прокурор таращит глаза, фонари города Петра безжалостно ослепляют, маленький поляк вспоминает слова молитвы, услышанной до своего заключения в возрасте четырех лет: «Матка боска, Матерь божья, защити нас!» И невольно думаешь: его и нас, всех нас.

От редакции: Выходные данные книги вы найдете [здесь](#), а оригинальный текст Жоржа Нива – в его [блоге](#).

[литература](#)

Source URL: <https://dev.nashgazeta.ch/news/15387>